

Инь Шоу пришлось остановиться. Обернувшись, он увидел Дацзи: та смотрела на него с немым укором, всем своим видом источая томную обиду. В душе Инь Шоу нарастало смятение. «Ну и что мне с ней делать?» — в панике думал он.

Он подошел ближе и примирительно произнес:

— Позволь, я велю проводить тебя в покои? Тебе нужно отдохнуть.

Дацзи, завидев его близость, тут же прильнула к его груди.

— Но я хочу быть рядом с Великим Ваном... — проворковала она.

«А вот Великий Ван рядом с тобой быть совсем не хочет», — мрачно подумал Инь Шоу.

Ситуация казалась безвыходной. Он всерьез раздумывал, не созвать ли утренний совет, лишь бы не оставаться в заднем дворце и не выносить общество Дацзи. От одной мысли о ней начинала болеть голова. С другой стороны, Чжоу-ван никогда не славился рвением к государственным делам. Не вызовет ли внезапное трудолюбие лишних подозрений?

«Хотя, если вспомнить, что Цзян Цзыя уже наступает... Небольшое беспокойство выглядит вполне естественным. Государство гибнет, предки в гробу переворачиваются! Разве попытка спастись в последний момент — это не нормально?» — рассуждал он.

На сердце у Инь Шоу было скверно. Пока он предавался меланхолии, пальчики Дацзи принялись выписывать игривые круги на его груди. Инь Шоу не выдержал. Перехватив её ладонь, он почти грубо отстранил наложницу.

— У меня еще есть дела. Ступай в свой дворец, отдохни.

Не дожидаясь ответа, он кликнул слуг, чтобы те сопроводили Дацзи, и стремительно зашагал прочь. Красавица проводила его взглядом, опасно прищурившись. Этот Ван определенно стал каким-то «неправильным».

***

Инь Шоу бежал от Дацзи так, будто за ним гнались демоны, но вскоре понял, что идти ему решительно некуда. По пятам за ним следовал личный телохранитель Чжоу-вана по имени Э Лай — мощный, широкоплечий детина с угрюмым лицом. У него был брат, Фэй Лянь, который славился быстротой ног и частенько служил Вану гонцом. Оба брата были личностями прескверными — жестокие и беспринципные прихвостни тирана, чья верность держалась лишь на страхе и милостях господина.

«Каков поп, таков и приход», — подумал Инь Шоу, покосившись на шагавшую за ним гору мышц. С этим человеком ему не хотелось перемолвиться и словом.

В эту эпоху, где человеческая жизнь ценилась дешевле придорожной пыли, Инь Шоу чувствовал себя крайне неудобно. Память Чжоу-вана, набитая картинками изощренных зверств, наносила сокрушительные удары по его современному сознанию. Он мечтал вырвать эти воспоминания с корнем.

Сцены пыток сожжением на бронзовом столбе, люди, заживо варящиеся в котлах с маслом, рвы со змеями, отрубленные конечности и живые обрубки, ставшие игрушками тирана... Но самым страшным было воспоминание о том, как Чжоу-ван велел вспороть чрево беременной женщины, чтобы поглядеть на плод ради простой забавы. От этих мыслей Инь Шоу мутило. Всё правление его предшественника было пропитано дикостью и бессмысленной жестокостью.

«Хочу обратно. В цивилизацию. Немедленно», — ныла каждая клеточка его существа.

Бесцельно пробродив по дворцу какое-то время, он окончательно выбился из сил. Жизнь в древности без мобильного телефона, компьютера и вай-фая оказалась невыносимо скучной. Инь Шоу понимал, что не может вечно предаваться праздности. Прежний Чжоу-ван хотя бы умел развлекаться: пил вино, тешился с наложницами. Инь Шоу же не мог позволить себе подобного разложения, но и просто ждать смерти было невыносимо. Шел лишь первый день его новой жизни.

Он замер под козырьком крыши, заложив руки за спину и глядя ввысь. Небо в древние времена было поразительно чистым, глубоким, лишенным смога и гари. Воздух казался сладким, а тишина — умиротворяющей. Идеальное место для спокойной старости...

«Какая еще старость? Тебя скоро казнят!» — напомнил он себе.

Инь Шоу попытался восстановить хронологию. Судя по всему, до падения династии оставался год или два. Он проклинал себя за то, что в своей прошлой жизни не интересовался историей Чжоу-вана. Теперь он тонул в неведении, даже не зная точно, как и когда придет его конец.

Неподалеку Дацзи, облокотившись на перила, наблюдала за ним. Увидев Вана, замершего в глубоком раздумье с величественным и суровым видом, она невольно вздрогнула. Её опасения подтверждались: в начале своего пути Чжоу-ван был мудрым и способным правителем, пока их встреча не превратила его в законченного тирана.

Дацзи боялась, что Ван опомнится и вернет себе прежний облик — это создало бы немало проблем для похода Цзи Фа. А значит, её миссия окажется под угрозой. Ей было велено не убить Вана, а внести хаос в дела государства. Чжоу-ван, будучи Сыном Неба, обладал особым покровительством звезд, и простые демоны не могли лишиться его жизни. Она могла лишь мешать ему, манипулировать им и вести к краху, но не наносить смертельный удар.

Дацзи направилась к нему.

— Великий Ван, — сладко позвала она, подойдя со спины.

Инь Шоу вздрогнул. Резко обернувшись, он нахмурился:

— Разве я не велел тебе идти отдыхать?

— О, мой Ван... — Дацзи снова потянулась к нему.

У Инь Шоу дернулась бровь. «Сколько раз на дню она собирается на меня вешаться?» Раньше Чжоу-ван находил в этом особую прелесть, но для Инь Шоу это стало настоящим проклятием. Он инстинктивно отшатнулся на несколько шагов, глядя на наложницу как на ядовитую змею. Еще немного, и он бы приказал страже не подпускать её на пушечный выстрел.

Дацзи замерла, пораженная такой реакцией. Где она просчиталась? Почему Ван вдруг стал ускользать из-под её контроля? Он смотрел на неё с явным отвращением! Это было уже слишком.

Инь Шоу понял, что перегнул палку. Чтобы не вызвать лишних подозрений, ему пришлось взять себя в руки и вступить в игру.

— Любимая наложница, ты теперь хозяйка дворца. Тебе следует вести себя более степенно, чтобы не давать повода для пересудов.

Дацзи посмотрела на него влажными, полными тоски глазами.

— Неужели Ван больше не любит свою рабыню? Раньше вы души во мне не чаяли... Почему сегодня вы столь холодны? Мое сердце разрывается от горя...

Её вид — беззащитный и трогательный — на мгновение заставил Инь Шоу усомниться в своей правоте. В конце концов, она была его любимицей. «То есть, любимицей Чжоу-вана», — поправил он себя.

Стиснув зубы, он сделал шаг вперед — так, словно входил в клетку к тигру. Он осторожно коснулся её нежного плеча:

— О чем ты говоришь? Как я могу не любить тебя?

Стоило ему смягчиться, как Дацзи тут же прижалась к нему, обдав ароматом дорогих благовоний. Инь Шоу едва не задохнулся. Он терпел изо всех сил, лишь бы снова не оттолкнуть

её.

— Великий Ван, — прошептала она ему в грудь, — мне так скучно во дворце. Давайте завтра отправимся на Лутай повеселиться?

«Лутай?» — Инь Шоу вспомнил, что именно там Чжоу-ван встретит свой конец. Любопытство взяло верх — ему захотелось взглянуть на место своей будущей гибели.

— Хорошо. Если ты хочешь, мы поедem.

В памяти всплыли образы Лутая — места бесконечного разгула и пьянства. Прежний Ван невероятно любил вино. «Удивительно, как он до сих пор не спился?» — подумал Инь Шоу. Впрочем, история и гласила, что он погиб, будучи пьяным в стельку. По крайней мере, это было логично.

Пока он гадал, как бы поскорее избавиться от объятий Дацзи, слуги объявили о прибытии Государственного наставника. Инь Шоу почувствовал облегчение, словно получил помилование. Он тут же отстранился от наложницы.

Дацзи метнула в него недовольный взгляд, и Инь Шоу, боясь подозрений, добавил:

— Возвращайся в свои покои. У нас с Государственным наставником важный разговор.

— Что еще за дела? — капризно надула губы Дацзи. — Разве я не могу послушать? Раньше Ван никогда ничего не скрывал от меня...

Инь Шоу больше всего раздражали эти ссылки на «раньше».

— Ну, если хочешь, оставайся, — сдался он. — Я лишь боялся, что ты утомишься.

— Я совсем не устала, если я рядом с Ваном, — проворковала она.

«Какая приторная ложь», — подумал Инь Шоу, чувствуя нарастающую неловкость.

Они сидели в беседке Императорского сада. Вскоре в сопровождении слуг к ним вышел Шэнь Гунбао.

Инь Шоу привычным жестом хотел поправить очки, но вовремя спохватился — очков не было. Зрение у Чжоу-вана было отменным, но старая привычка близорукого человека нет-нет да и давала о себе знать: он постоянно тянулся к переносице, надеясь сфокусировать взгляд.

Государственный наставник шел небрежной, изящной походкой, поигрывая Веером Вселенной. Он был строен, красив и исполнен благородного спокойствия. Инь Шоу невольно засмотрелся. В голове всплыла строчка: «Прекрасен, точно яшма».

Инь Шоу смотрел на Шэнь Гунбао глазами мужчины — и не мог скрыть восхищения. Оказалось, Государственный наставник куда привлекательнее Дацзи. В памяти Чжоу-вана Шэнь Гунбао был лишь полезным инструментом, могущественным магом, на которого можно было положиться. Чжоу-ван был безнадежно «прямым» и видел в мире только Дацзи. Но Инь Шоу, чья ориентация была закручена в бараний рог, при виде Шэнь Гунбао мгновенно забыл обо всем остальном.

Шэнь Гунбао подошел ближе, сложил веер и отвесил поклон:

— Подданный приветствует Великого Вана и Ниннян.

Поклон был церемонным, но без рабского подбострастия. Инь Шоу, подражая голосу тирана, произнес:

— Наставник, забудь о церемониях.

Шэнь Гунбао выпрямился и посмотрел Инь Шоу прямо в глаза. Если бы не едва заметный блеск хитрости и коварства в его взгляде, он был бы совершенством. Инь Шоу, разглядывая его вблизи, почувствовал, как сердце предательски екнуло.

— Прощу, присаживайся, — добавил он.

Наставник поблагодарил и сел.

Инь Шоу продолжал пожирать его глазами, совершенно забыв о приличиях. Дацзи, заметив, что Ван смотрит на оборотня-леопарда так, словно видит его впервые, уколола ревность. Что такого в этом леопарде? Почему Ван сегодня так внимателен к нему? Она одарила Шэнь Гунбао уничтожающим взглядом. Тот лишь недоуменно приподнял бровь.

Воцарилось странное, почти осязаемое молчание. Инь Шоу первым нарушил тишину:

— Итак, какие новости у Наставника?

— Отвечаю Великому Вану, — ровным голосом начал Шэнь Гунбао. — Цзян Цзыя оказался не прост. Его войска уже достигли уезда Мяньчи на том берегу Хуанхэ. Я пришел успокоить Вана: не стоит тревожиться. У меня уже готов план, как остановить их продвижение.

— Вот как... — бесстрастно отозвался Инь Шоу.

Он понимал, что хотя Шэнь Гунбао и помогает тирану, его верность по-своему искренна. Но что он может сделать против хода истории? У-ван идет за справедливостью, народ на его стороне. Судьба Шан предрешена. Преступления Чжоу-вана невозможно смыть никакой кровью.

Его спокойная реакция обескуражила Шэнь Гунбао. Ни радости, ни гнева. Раньше Ван в таких случаях хватал его за руки и с жаром восклицал: «Вся надежда на тебя, Наставник!» Озадаченный маг переглянулся с Дацзи.

Наложница не выдержала и язвительно заметила:

— Государственный наставник только и делает, что «останавливает» Цзян Цзыя, а тот уже у ворот нашего дома. Если и на сей раз ничего не выйдет, враг окажется в Чаогэ быстрее, чем мы успеем допить вино.

Шэнь Гунбао не горел желанием препираться с Дацзи, но статус обязывал ответить:

— На сей раз я приложу все силы.

— Неужели? — Дацзи тонко рассмеялась. — Значит, до этого вы работали вполсилы? Великий Ван так доверяет вам, Наставник... Смотрите же, не обманите его ожиданий.

«Проклятая лисица», — подумал Шэнь Гунбао.

Дацзи же мысленно брызгала ядом: «Этот паршивый леопард... Ван глаз с него не сводит! Неужели он умеет соблазнять лучше, чем мои сестры? И вырядился-то как вызывающе — для кого стареется?!»

<http://bllate.org/book/17393/1649633>